

СТОЛИЦА – ДВОР – КОММУНАЛКА:
ДЕТСКИЙ БЫТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА / ЛЕНИНГРАДА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА ¹

Катриона Келли

Вопрос о том, в какой степени региональное своеобразие может быть выявлено при исследовании детской культуры в современную эпоху, остается открытым. По всему “Западу” (понимая его в самом широком смысле: Америка, Европа и русский Запад не только до Урала, но и руси-

¹ Этот доклад представляет материалы масштабной истории детства “Детский мир: взросление в России, 1890-1991”, которая должна быть опубликована Издательством Йельского университета в 2006 году. Исследование, имеющее своей целью создание монографии, было поддержано Leverhulme Trust по гранту F/08376/A – “Детство в России: культурная и социальная история”, Британской Академией при посредничестве Small Research Grants for travel, а так же Ilchester Fund и Факультетом современных и средневековых языков Университета в Оксфорде. Цитируемые интервью, обозначенные как Oxf / Lev SPb-02 или -03 PF 1A и т.д., являются частью работы, спонсируемой Leverhulme Trust. Вопросник был составлен Катрионой Келли в сотрудничестве с А. К. Байбуриным и А. М. Пиир из Европейского университета в Санкт-Петербурге; интервью собирались А.М. Пиир с начала ноября 2002 года. (Этот проект по устной истории осуществляется с конца 2002 до конца 2006 года и должен охватить в общей сложности около 100 информантов из трех городов: Санкт-Петербурга, Москвы и Перми. Основное внимание должно быть сосредоточено на воспитании детей в семьях рабочих и в детских домах). Интервью, обозначенные SKQ Oх-03 PF 1A и т.д., были записаны Катрионой Келли на основании того же опросника; в этом случае информанты происходят из семей государственных служащих или интеллигенции и долгое время проживали в Великобритании. Та часть интервью, которая здесь цитируется, была записана в январе-марте 2003 года. Выражаю свою признательность финансирующим органам и А. К. Байбурину и А.М. Пиир за их помощь.

фицированные поселения далее на востоке) многие аспекты детской жизни в течение XX столетия обнаруживали высокую степень сходства. Это сходство включает не только факторы, связанные с лежащими в их основе процессами развития (это такие общепризнанные био-физиологические этапы, как, например, усвоение языка и достижение половой зрелости, в качестве хронологических маркеров), но также и те, которые связаны с социальными структурами в более широком смысле, и с результатом воздействия на них ряда масштабных изменений, часто упрощенно объединяемых под названием “модернизация”. На всем Западе в течение XX века наблюдалось растущее вмешательство государства в детскую повседневную жизнь (например, посредством комплекса благотворительных мероприятий и регулирования процесса воспитания); радикальные изменения в детском здравоохранении, заметно повлиявшие на снижение уровня детской смертности в младенчестве и раннем возрасте; и первые шаги по направлению к всеобщему образованию (в большей или меньшей степени финансируемому государством), которые в свою очередь поддерживали появление “затяжного детства”.² Согласно этой модели “затяжного детства”, полная рабочая занятость наступала только в том возрасте, когда школьное обучение было уже завершено. Считалось, что время, отведенное для активного досуга, является жизненно необходимой частью развития ребенка. Дети, не занимающиеся какой-либо целенаправленной деятельностью, уже не считались “бездельниками”; напротив, предполагалось, что они развивают свой внутренний интеллектуальный и эмоциональный мир другим образом.³

Если начать вдаваться в нюансы и усложнять эту абстрактную и схематическую картину, сразу становится очевидным, что широкие, межнациональные классовые и географические различия так же важны для того, какой именно жизненный опыт ребенок приобретает в детстве, как и этническая или политическая вариативность. Ребенок, выросший на Урале в начале XX столетия, имел в некотором отношении больше общего со своим сверстником в Альпах, чем со своим соотечественником в Москве или Петербурге. То же самое можно сказать о Поморье и о регионе Коннемара в Западной Ирландии. Общие черты, свойственные

² Так мы здесь переводим английский термин “extended childhood”. К описанию этого общепринятого понимания развития детства в современную эпоху см., например: Hugh Cunningham, *Children and Childhood in Western Society Since 1500*, London, Longman, 1995; M. Crubellier, *L'enfance et la jeunesse dans la société française 1800-1950*, Paris, Armand Colin, 1979.

³ Колодца Дж. Детские игры: их психологическое и педагогическое значение, trans. аноп. Москва, Московское книгоиздательство, 1909.

одним и другим, определялись тем, что их повседневная жизнь формировалась под воздействием таких факторов как миграция рабочих семей, неразвитая социальная структура и сохранение основных традиционных практик (вида предлагавшихся детям трудовых задач, посредством которых они вовлекались в ритуалы и повседневное взаимодействие). И напротив, ребенок в Москве или Петербурге, независимо от своей социальной принадлежности, имел больше общего со своим сверстником в Берлине или Париже, чем с ребенком из маленького городка.

В то же время дети действительно начинали на ранней стадии осознавать особенности места своего обитания, и, в определенном смысле, осознавать его отличие от остального мира. Даже если сам ребенок (как это могло происходить в раннем возрасте) был более или менее ограничен в пределах того места, где он родился, передвижения взрослых предусматривали осознание существования “тех мест, где нас нет”. Безусловно, “те места, где нас нет” могли представляться совершенно неясным, неопределенным образом. Как записал Л. Н. Толстой в 60-х годах XIX века, ученики его школы в Ясной Поляне на вопрос “Где мы живем?” давали ответ “В Ясной Поляне, в поле”. Понятие “Тульская губерния” ничего не значило (для детей, Тула была местом в 17-ти верстах от них), а Россия, хотя и существовала как понятие, означала просто нечто, простирающееся очень далеко, в дальние края, достигая тех мест, где живут “немцы”.⁴ Несмотря на то, что было бы рискованно слишком буквально экстраполировать этот пример XIX века на ситуацию XX, некоторые данные XX столетия его подтверждают. Например, в рассказе ребенка, написанном во время первой мировой войны, место сражения обозначено: “Война идет капельку дальше от Киева”.⁵ Но если представление о локализации какого-то места в более широком мире вполне может быть неопределенным, то представление о самом этом месте, скорее всего, будет более ясным и более конкретным.

Период исследований – обычный этап детского развития в современных культурах, подразумевает ли это лазанье по деревьям и скалам, или карабкание по городским стенам, или пешие прогулки и поездки на городском транспорте с целью изучения новых мест.⁶ Это освоение места

⁴ Толстой Л. Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы (1862). ПСС. Т. 8, с. 97.

⁵ Дети и война. Сборник статей. Киев, Киевское Фребелевское общество, 1915, с. 53.

⁶ О лазанье по скалам и т. д., см. письмо школьника из Краснодарского края в “Комсомольскую правду” 1949 г.: “С горы мы пускали камни, что очень интересно, что камень очень далеко катится...”. Заседание партийно-производственной

своего обитания, скорее всего, будет подкреплено посредством социализации, либо в форме развития местного патриотизма в школе, либо в форме передачи родительских знаний и взглядов. Например, преподавание географии в школах в 30-х и 40-х годах двадцатого века должно было включать основы краеведения, а школьные и пионерские однодневные экскурсии обеспечивали более подробное знакомство с *достопримечательностями* города.⁷ Детская литература советской эпохи так же стремилась прививать чувство гордости за свой родной город, главным образом, хотя и не исключительно, апеллируя к каноническим сюжетам советской истории – революции, войне, рождению и смерти коммунистических лидеров и героев.

Все эти факторы были представлены в жизни ленинградских детей. Уроки географии в школах включали основы знакомства с местностью: например, в 1940-х годах учительница мужской школы номер 210 могла дать задание нарисовать схематическую карту района вокруг школы, обозначить дома, в которых жили знаменитые люди, и подготовить экскурсии по центру Ленинграда.⁸ Издававшиеся в городе детские журналы публиковали статьи, представляющие достижения талантливых детей города и области, такие как участие в выставках детского рисунка или местных спортивных мероприятиях.⁹ Однако, несмотря на то, что все эти элементы обучения краеведению были общими для многих городов, су-

конференции “Комсомольской правды”, посвященной редакционной работе с письмом, 17. 04. 1950 / Центр хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО), ф. 1, оп. 32, д. 624, л. 25; о лазанье по городским стенам, см. Ю. Тынянов. Автобиография. Советские писатели: автобиографии. Т. 2, с. 383-384. О поездках на городском транспорте см. СКQ Ох - 03 PF1A, р. 5 (информантка 1936 г. р., воспитывавшаяся в Москве, вспоминает, как она и ее друзья любили исследовать Бульварное кольцо, и однажды им пришлось возвращаться на трамвае без билетов (“зайцем”), когда они зашли слишком далеко, чтобы вернуться пешком).

⁷ Сама традиция проводить экскурсии по городу с детьми, конечно, существовала и раньше: см., например, путеводитель 1838 года В. Бурьянова, Прогулка с детьми по Санкт-Петербурга и его окрестностям. СПб. 1838. Такие экскурсии также входили в программу общества “Детский городок” (см. ниже).

⁸ Верейская Е. Про нашу школу // Костер 1947. № 4, с. 24-26.

⁹ Стихи и рисунки ленинградских ребят // Ёж 1935. № 11, с. 20-25; Как мы танцевали на Красной Площади // Ёж 1935. № 11, с. 26-27.

ществовали особые способы дать информацию, скажем, ленинградским детям об особенностях именно их города. Для начала, это “обще-советский” статус города, его место в высшей лиге выдающихся городов. Как детям, росшим в Сталинграде, постоянно напоминали и поощряли их писать об уникальном статусе “города Сталина”,¹⁰ так и ленинградским детям напоминали о политическом значении их города. В довоенные годы это относилось даже не столько к ленинским местам в городе, сколько к его статусу “колыбели революции”, а в середине 30-х годов – к его роли вотчины Сергея Кирова. Задолго до того, как Сталин начал фигурировать в качестве отца всех советских детей, в Ленинграде был развит детский культ Кирова. Сам факт убийства Кирова в декабре 1934 года и последующие его годовщины благоговейно отмечались ленинградскими журналами, широко освещавшими особые отношения Кирова с детьми: это могли быть, например, развороты детских рисунков, изображавших его торжественные похороны и дидактические рассказы о его любви к маленьким жителям города:

Киров заботился, чтобы в этом городе как можно лучше жилось рабочим и их детям, чтобы все дети были здоровы, хорошо учились и весело отдыхали. Ребята Ленинграда хорошо знали и любили Сергея Мироновича. Он часто заходил к ним в школу, часто разговаривал с детьми на улице.¹¹

В конце 50-х годов ленинские места начали приобретать исключительное значение. “Наш Ленинград”, опубликованный в 1957 году, приглашал детей в виртуальное путешествие “по городу на Неве”, которое начиналось с памятника Ленину на Финляндском вокзале и Смольного. На втором месте были революция и вторая мировая война (Аврора и парк Победы). Но, несмотря на то, что темное историческое прошлое Ленинграда иногда пытались скрасить светлым настоящим (как в стихотворе-

¹⁰ См. например: Стихи счастливых. Сталинград 1936.

¹¹ Чиж 1934. № 12, с. 1; Ср.: Ёж 1935. № 12 (он содержит детские рисунки, изображающие его торжественные похороны). Доступность Кирова для жителей Ленинграда не была абсолютной выдумкой: информант, выросший в квартире напротив дома Кирова на Каменноостровском проспекте, в трехлетнем возрасте был глубоко поражен его похоронами, поскольку он часто видел Кирова то здесь, то там, идущего по улице как обычный человек без охранников. СКQ-(0)х-(03 PF5A, с. 2.

нии, опубликованном в “Еже” в 1932 году, в котором современный, равноправный Ленинград противопоставлялся старорежимному, раздираемому противоречиями, эксплуататорскому Санкт-Петербургу),¹² ценность этого прошлого была общепризнанной. В конце концов, центральный Дворец пионеров, открытый в 1936 году, располагался в бывшем царском дворце, а не в современном здании, специально построенном для этой цели; а детская литература прославляла наследие прошлого, так же, как и советское настоящее. Многие образы Ленинграда: как театра военных действий, эталона советского города, и памятника культуры были объединены в напыщенных фразах предисловия к изданию “Наш Ленинград”:

Враг никогда не вступал на улицы Ленинграда. В грозные годы Великой Отечественной войны город-герой боролся и выстоял.

Теперь он мирно трудится, строит, учится, отдыхает вместе со всей нашей Родиной.

Много славных дел совершили его жители – ленинградцы. И теперь совершают и будут совершать.

Наш Ленинград... Он один из самых красивых городов мира. Пройдемте вместе по его площадям и проспектам, по его набережным и садам. Полюбимся им, узнаем его лучше, полюбим его крепче.¹³

И именно это представление о двойственном историческом характере города как Санкт-Петербурга и Ленинграда многие родители передавали своим детям:

Я очень поразились, когда у Славки прочла его отзыв, это на первом уроке, по-моему, по истории Санкт-Петербурга. Надо было написать, как вообще ты относишься к городу. И вот чувствуется, тут почувствовалось мое влияние. Потому что такого влияния, по-моему, на него никто не оказал, как я. Я ему постоянно вливаю, говорю, раз ты – ленинградец (все-таки Ленинград как-то более... чем Санкт-петербуржец, да?), ты должен держать марку, это самые воспитанные люди, извините, можно сказать, всего мира, действительно. В общем, город накладывает отпечаток на все вот это. [...] А вот оказал ли на меня кто-либо вот такое вот все-таки воздействие, сказать трудно. Как-то, видимо, я отовсюду потихонечку впитывала информацию, ну, а по большей части, не знаю почему, вот у меня, внутри меня вот живет это чувство гордости за свой Ленинград, за свой город. Я не знаю, откуда оно так развилось. То, что Славке, так это точно я уже привила любовь и гордость за свой город.¹⁴

¹² Западов А. Город // Еже 1932. № 4, с. 1-3.

¹³ Басина М. Наш Ленинград. Ленинград, Детгиз, 1957, с. 3.

¹⁴ Oxf / Lev SPb-03, PF 16A, с. 1-2 (10 февраля 2003 г., женщина, 1969 г. р.).

Данное интервью относится к недавнему прошлому (1990-е годы), но, по-видимому, справедливо будет предположить, что этот механизм работал таким же образом у предыдущих поколений. Местный патриотизм, конечно, поддерживали еще и праздники и традиции второй столицы, которые до 1917 года включали, среди прочего, вербный базар или пасхальную ярмарку игрушек и сувениров, вероятно, особенно потрясавшие детское воображение. Парадоксально, что и то и другое было характерным для Петербурга, и, по словам одного эмигранта: “Это единственный случай, когда Петербург стремился быть русским”.¹⁵

Но это особое осознание места своего обитания, которое меня здесь интересует, является даже не столько мыслимым и воображаемым, относящимся к тому, как дети начинают представлять свое место в истории, сколько касается практических и бытовых моментов. Я имею в виду особенности ландшафта в прямом смысле: в городе он будет включать фабрики, здания и улицы, большое или малое количество парков и так далее, а также наличие или отсутствие таких специально ориентированных на детей элементов городского ландшафта как игровые площадки. Характер внутригородских ландшафтов также различается, причем малоэтажная, горизонтально ориентированная архитектура классических британских или американских пригородов, или московской городской усадьбы начала девятнадцатого века, контрастирует с высотными жилыми домами, которые можно увидеть в крупных европейских городах, так же, как и в центрах британских и американских городов. Соответственно, оставшаяся часть доклада, будет касаться этих особенностей города, а также последствий столкновения нарастающей урбанизации и усиливающегося стремления обеспечить детям “затяжное” детство, – когда ребенок избавлен от необходимости зарабатывать на жизнь, наслаждается долгими часами досуга, и его основной контакт с социальными институтами состоит в посещении школы и других учебных заведений. При анализе материала я буду делать акцент на общих темах в истории петербургского/ленинградского детства, хотя, в то же время, отдаю должное специфике “петербургского (или ленинградского) опыта” повседневной жизни.

¹⁵ E. M. Almedingen, *I Remember St Petersburg*, London, Longmans Young Books, 1969, p. 159.

Детский мир Петербурга на закате империи:
парки, квартиры, дворы

Ребенок из среднего класса, росший в начале XX столетия в Лондоне, с его многочисленными частными садами и общественными парками, или в той же русской провинции,¹⁶ использовал окружавшее его внешнее пространство иначе, чем ребенок из среднего класса в центре Берлина или Санкт-Петербурга, для которого первым прибежищем за пределами дома становился парк, где восприятие природной среды было не столь непосредственным и более формальным. Посещение городских парков, таких как Александровский сад с его одетыми в униформу служителями – обычная часть воспоминаний 1900-х – 1910-х годов.¹⁷ Непосредственное соприкосновение с природой у таких детей происходило, скорее всего, во время каникул в загородном имении или на даче, которые входили в опыт даже относительно небогатых членов социальной элиты.¹⁸ Для детей рабочего класса, живших в центре, – которых, эти служители как раз и не должны были пускать в городские парки и сады, – возможностью доступа к внешнему миру был *двор*, который в Петербурге начала двадцатого столетия, в отличие от Москвы или провинциальных городов, имел абсолютно урбанизированный вид. В центральных районах Москвы даже в начале XX века можно было найти дворы, в которых жители держали кур и другую живность, и разводили огороды. В Петербурге, напротив, большинство дворов в центре города всегда представляло собой мощеное пространство, со всех или почти со всех сторон окруженное стенами. Типичный пример такого двора описан финским писателем Тито Коллиандером:

Двор был довольно мрачным, с неровной булыжной мостовой и дорожками из каменных плит, проложенными от подъезда к подъезду и вниз к

¹⁶ См., например: Зинаида Жемчужная. Пути изгнания: Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзинь: Воспоминания. Tenaflly, NJ, Ermitazh, 1987; с. 4-6, где автор описывает, как огромный сад, в котором обитала ее семья на Урале, был основной сценой детской жизни: "Сад был нашим целым детским миром", с. 4.

¹⁷ E. M. Almedingen, I Remember St Petersburg, pp. 96, 106.

¹⁸ См. наряду со знаменитым описанием Набокова "Другие берега", например: Tamara Talbot Rice, Tamara: Memoirs of St Petersburg, Paris, Oxford, and Byzantium. London, John Murray, 1996, p. 29 (загородный дом, купленный отцом автора, недавно разбогатевшим прибалтийским еврейским торговцем лесом); Tamara Karsavina, Theatre Street. London, William Heinemann, 1938, p. 4 (обнищавшая дворянская семья арендует жилье в Лигово, в поместье графа Позена); Виктор Шкловский. Третья фабрика. Москва, Артель писателей Круг, 1926, с. 21-22 (семья покупает дачу, как только у нее появляются небольшие наличные деньги).

воротам, как бы деля его на несколько частей. Над каждым подъездом были красные жестяные козырьки на изысканных кронштейнах.

К счастью, двор не был окружен домами со всех сторон. Слева, за высоким забором, была видна часть улицы. В углу двора росло несколько чахлах деревьев и кустов барбариса. Что-то вроде садика и игровой площадки для детей. Но песочницы для них не было, только гравий, пыль и мусор.¹⁹

Хотя все описанное приводит в уныние, однако, дворы, по сравнению с пространством, доступным детям рабочего класса в британских городах, имели существенное преимущество, заключавшееся в отсутствии транспорта и их закрытости от внешнего мира. В британских городах, напротив, пространство для детских игр было таким, как в описании одной матери из рабочей семьи, жившей в Ровераме (Rotherham), на окраине Лондона в конце 1930-х годов: "Очень оживленная магистраль, улица опасна, детям негде играть. Место для игр, на расстоянии 200 ярдов от дома, и я все время в трепете, когда дети идут туда".²⁰

Петербургские дворы не были территорией исключительно детей рабочих. Их посещали и некоторые дети среднего класса, жившие в центре. Тем не менее различными социальными группами это пространство использовалось принципиально по-разному, как это описано в рассказе анонимной 10-летней девочки, опубликованном в сборнике детских произведений и рисунков Алексея Крученых 1914 года. История начинается с печального образа осиротевшей девочки *из народа*, одиноко лежащей в своей "темной постели" и слишком слабой, чтобы работать. Когда приходит весна, и дети выходят во двор играть в горелки, салки и "колдуны", маленький мальчик в голубых штанишках и розовой рубашечке гоняет кошку по двору, и она забегает в подвал. "Вдруг он увидал там девочку, она сидела с выторощенными глазами с минуту, потом она тихо опустилась на постельку и больше не шевелилась. Мальчик подошел к ней но она была мертва. Тогда мальчик нарвал цветов, обложил ими девочку ушел и запер дверь".²¹ Эта история иллюстрирует социальное явление того времени, к которому относится аналитический комментарий Тито Коллиандера: для петербургских детей вхождение во внешний мир озна-

¹⁹ Коллиандер Т. Петербургское детство: главы из воспоминаний // Невский архив 1995. № 2, с. 22-23.

²⁰ См. Margery Spring Rice, *Working Class Wives: Their Health and Conditions* (1939) (reprinted London, Virago, 1981), p. 140.

²¹ Сиротка // Крученых А. Собственные рассказы и рисунки детей. Пг., Свет, 1914, с. 40. Странности в употреблении знаков препинания и т. д. соответствуют оригиналу.

чало также вхождение в определенный социальный круг: “Существовала граница, которую почти невозможно было преодолеть”.²² Как показывает этот пример, дети среднего класса, чаще всего, росли под воздействием представлений о социальном статусе своих родителей, как то, например, установившееся мнение о том, что на Васильевском острове дальше 5-й линии живет “средний класс” (мещанство), и классификация трех проспектов: “респектабельного” (Большого), “более-менее приличного” (Среднего) и “совершенных трущоб” (Малого).²³ Безусловно, дети могли проявлять некоторое сопротивление такого рода ценностям – например, когда Виктор Шкловский и его товарищи переименовали сквер Козьмы и Демьяна, где они гуляли, в “Козьму и обезьяну”, а Е. М. Альмединген и ее друзья пробирались в веселые и простонародные места, такие как Луна-парк с его кафешантанами.²⁴ Но подобные действия не означали чего-то цельного или достаточно последовательного, что можно было бы назвать “детской субкультурой”. Для детей рабочих двор был весьма важным социальным пространством; для детей среднего класса двор и улица были чужой территорией, которую они могли посещать и наблюдать, но которая была менее важной средой, чем дом, школа или, наконец, дома друзей и родственников.

Существенное значение здесь имел сомнительный статус двора как социально “низкого” пространства, что также заметно в организации традиционной барской квартиры, в которой “лучшие” комнаты (столовая, господская спальня, кабинет и особенно гостиная) располагались в парадной части здания, выходившей на улицу, тогда как комнаты “худшего качества”, такие как кухня, ванная и помещение прислуги – в дворовой части (это разделение находит параллель в более общем делении дома по парадной и “черной” лестнице, предназначенной для слуг и выходящей во двор). Детские комнаты занимали двойственное положение в этой иерархии: с одной стороны пособия по домоводству начала двадцатого века обычно рекомендовали, чтобы дети жили в больших светлых комнатах, что было возможно, только если они были обращены на улицу, но, с другой стороны, тот факт, что детские и помещения прислуги всегда располагались в дворовой части квартиры, означал, что дневное времяпрепровождение детей часто сосредотачивалось именно здесь, даже если формально детская находилась на другой половине дома. Но в любом случае

²² Коллиандер Т. Петербургское детство... , с. 24.

²³ Е. М. Almedingen, *I Remember St Petersburg*, p. 38.

²⁴ Шкловский В. Третья фабрика, с. 19; Е. М. Almedingen, *I Remember St Petersburg*, p. 106.

дети среднего класса оказывались скорее *зрителями* двора и улицы, чем их постоянными обитателями. К началу двадцатого века дополнительное значение стало иметь еще и то, что к детям, которые постоянно играли во дворе и на улице, относились так же, как и в не менее иерархически структурированных городах Великобритании и Америки.

Урбанизация дворов накладывала ограничение на детскую деятельность (например, отсутствие места означало, что энергию было удобнее реализовывать в вертикальной плоскости – забираясь на крыши или в подвалы – чем по горизонтали). Кроме того, эта деятельности была хорошо видна не только взрослым, находящимся в данный момент во дворе, но и тем, кто был внутри.²⁵ Из-за того, что детское поведение было всегда “на виду”, оно должно было соответствовать общепринятым правилам приличия, согласно представлениям наблюдавших за ними взрослых. В тех случаях, если эти взрослые наблюдатели были к тому же образованными людьми, считавшими, что не следует тратить время на “пустые занятия”, скорее всего, возникала стремление корректировать детское поведение.

К началу XX века достоинства “бесплатного образования” были всецело признаны русской интеллигенцией. Согласно этой идее, образование представляло ценность не столько по функциональным причинам (скажем, потому, что страну было необходимо обеспечить квалифицированной рабочей силой), но и потому, что это было способом освободить детей от эксплуатации посредством наемного труда и предоставить им время заниматься их “естественной” деятельностью – игрой.²⁶ В то же время, глядя на игры, в которые дети играли на самом деле, филантропы часто полагали, что вмешательство взрослых необходимо, таким образом, будучи освобождены от одного вида контроля, дети тут же подвергались другому. Это очевидное противоречие снимается пониманием того, что дети были незащищены от дурного влияния взрослых (и старших подростков), и это могло быть исправлено только чьим-то другим, благотворным влиянием. Такого рода озабоченность и гуманные проекты в 1890-х – 1900-х годах были проявлением беспокойства по поводу расцвета детской преступности и хулиганства. Новый термин *беспризорный* стал использоваться по отношению к детям, которые болтались на улицах и во

²⁵ См. интересный анализ дворовой жизни в более поздний период: А. М. Пиир *Окно во двор* (к описанию дворового пространства) // *Антропология. Фольклористика. Лингвистика*. СПб., Изд-во Европейского ун-та, 2002. Вып. 2, с. 194-230.

²⁶ См., напр., журнал “Свободное воспитание”, публиковавшийся с 1910 года.

дворах без присмотра, либо потому, что они были сиротами, либо потому, что их родители не следили за тем, чем они занимаются.²⁷

Результатом этих общественных опасений стало развитие детского “разумного досуга” (здесь мы нарочно употребляем перевод англоязычного термина “rational leisure”), как одного из направлений движения за повышение уровня благосостояния детей в целом, которое ощущалось по всей Российской Империи во второй половине девятнадцатого – начале XX века.²⁸ К началу двадцатого века вид “слоняющихся” по улицам и дворам детских компаний начал рождать у филантропов жуткий образ нищеты: отсутствие официального образования, плюс жизнь “по законам улицы”, хулиганство и мелкие правонарушения. По словам издания, опубликованного к двадцать пятой годовщине образования Комитета для сбора пожертвований в пользу заведений Петроградского Совета: “Борьба за существование обостряется с каждым днем, число беспризорных детей вследствие быстрого роста населения столицы растет с ужасающей быстротой”.²⁹ С помощью согласованных усилий детей стали держать в стороне от “грязных, зловонных дворов” и, что еще важнее, от улиц. В то время как в списке петербургских детских благотворительных организаций, опубликованном в 1907 году, не было ни одной, которая бы занималась организацией разумного досуга, к 1910 году к этой области начали обращаться специально. Например, общество “Детский мир”, основанное в 1912 году, включало среди прочих предполагаемых видов деятельности вечерние курсы школьных репетиторов, организацию читален – образовательных чтений и бесед, а так же классы музыки, изобразительного искусства и ремесел, организованные игры, физкультурные занятия, гимнастику и одноразовые мероприятия, таких как экскурсии и прогулки.³⁰

²⁷ См., например, Огронович В. Съезд деятелей суда по делам малолетних // Призрение и благотворительность 1914. № 1, с. 95-120, особенно с. 103. Законопроект о мерах попечительства над беспризорными малолетними и о лишении родительской власти // Призрение и благотворительность 1914. № 5, с. 726-727.

²⁸ Между 1801 и 1860 годами было учреждено объединение 198 организаций, занимающихся детским призрением, по всей Российской Империи; с 1861 по 1899 год их число возросло более чем в пять раз – 1010. См.: Благотетельные учреждения Российской Империи. СПб., Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного дела в России, 1900. Т.1, с. 33.

²⁹ Двадцатипятилетие комитета сбора пожертвований в пользу заведений Петроградского Совета детских приютов 1889-1914. Пг., Р. Голике и А. Вильборг, 1915, с. 5.

³⁰ Устав общества “Детский мир”. СПб., Типо-литография А. Е. Винеке, 1912.

А. С. Шайхет, Мария Ульянова в классе. Фото 1925 г.

А. С. Шайхет, Класс. Фото 1925 г.

Наряду со стремлением обеспечить такого рода досуг, появилось стремление устраивать детские игровые площадки, которые бы обеспечили пребывание ребенка на свежем воздухе, физическое развитие, контакт с природой (трава, деревья), а так же программу интеллектуальных и художественных видов деятельности. В частности летняя площадка “Детский городок” на Петербургской, позже Петроградской стороне в Петербурге, основанная озабоченными тяжелым положением детей жителями летом 1909 года, постепенно превратилась в место постоянного летнего отдыха, и ее посещало до двух с половиной тысяч детей за один сезон. В течение нескольких первых лет деятельности общества были устроены площадки на Крестовском острове (на территории пивоваренного завода “Бавария” и на других больших промышленных предприятиях) на средства князя Белосельского-Белозерского. В 1915 году общество перенесло свою деятельность в Малый Петровский парк, и в августе 1916 года вторая детская площадка, имевшая как внутреннее, так и наружное игровое пространство, открылась в Ждановском районе³¹ под наблюдением профессора педагогики. Обширный список видов деятельности включал народные ремесла, рисование, сказочные представления для младших детей и литературные беседы для старших, изучение природы и беседы о любви к животным, пение, экскурсии в музеи, спорт и игры на свежем воздухе. Существовали библиотека и читальный зал, специальный музыкальный класс. Это общество, несмотря на то, что оно не имело социальных ограничений, было в первую очередь ориентировано на детей рабочих, и в 1916 году его организаторы гордо отмечали, что их целенаправленная работа с этим слоем населения оказалась успешной. Из 137 посетителей, опрошенных в один из дней, 89 процентов были детьми рабочих, занимающихся физическим трудом (квалифицированным и неквалифицированным), прислуги и работников сферы обслуживания, таких как дворники и извозчики.

Рекламные материалы общества так же сообщали о выдающихся результатах, которые демонстрировали пользу детского организованного досуга. Были, например, хулиганы, которые превратились в образцовых организаторов коллективной деятельности; реже попадался какой-нибудь совершенно дикий маленький мальчик, который неожиданно решал, что он хочет стать поэтом (сам один такой мальчик это описывает так: “В голове у меня что-то такое делается, – так что-то вертится, вертится...”, однако, несмотря на это, он в конце концов стал юнгой).

³¹ Так называлась эта часть Петербургского (потом Петроградского) района в начале XX века; территория не отвечала территории Ждановского района советского времени, который занимал гораздо больше площади.

Наряду с такого рода трогательными примерами трансформации (например, мальчик из преступной шайки, которая вела кровную вражду со своими соперниками, стал образцовым членом общества), приводились и более тривиальные примеры, (расширение кругозора детей, которые во время посещения картинной галереи впервые слышали о Льве Толстом или увидели распятие).³²

Это движение по обеспечению детского “разумного досуга”, несомненно, играло роль подчиненного и дополнительного по отношению к более широкой кампании по борьбе с беспризорностью и избавлению улиц от детской преступности.³³ Подобно этому оно получило толчок к развитию во время первой мировой войны, когда проблема “безнадзорности” обострилась в связи с массовым привлечением женщин в качестве рабочей силы, на замену ушедшим на фронт мужчинам. До 1914 года в Петербурге была только одна игровая площадка, но к 1915 году их число выросло до пятнадцати.³⁴ Несмотря на то, что основные черты *детского быта* должны были претерпеть значительные изменения после 1917 года, идея обеспечения детского “разумного досуга” продолжала существовать, так же, как и противоречивое отношение к детской игре как к средству самореализации, которая была во благо, только если она соответствующим образом регулировалась взрослыми. Несмотря на то, что и в других странах осуществлялись все эти характерные благотворительные мероприятия, петербургские филантропы их провоцировали, описывая свою работу с детьми.³⁵ Работа, которая проводилась в Петербурге на временных площадках, была более продвинутой, чем в других русских городах, так же как и работа по обеспечению детей местами летнего отдыха за пределами города. Основной причиной в обоих случаях, конечно, было общераспространенное убеждение, что Петербург был крайне многолюдным городом, в котором окружающая среда была особенно вредна для физического, психического и морального здоровья.

³² См.: Нелюбов Н. С. Обзор деятельности общества “Детский городок” Петроградской части, 1910-1915 гг. Пг. 1916, с. 3-4 – история основания, с. 24-49 – деятельность, с. 19 – социальный состав. Похожее описание – Николай Поляхин Детская площадка как важный фактор борьбы с беспризорностью // Призрение и благотворительность 1916. № 9, с. 987-996 – содержит сходную информацию по всем материалам посещений художественных выставок. К трансформации рассказов о преступных группировках см. описание Г. С. Кира-Донжан Детский городок в Петербурге // Призрение и благотворительность 1916. № 10, с. 1005.

³³ См. об этом раздел 3.

³⁴ См.: Поляхин. Н. Детская площадка..., с. 987.

³⁵ См.: Нелюбов. Обзор деятельности..., с. 121.

Детское пространство после революции:
коммуналка и двор

Внешние материальные условия жизни детей в Ленинграде не подверглись таким резким изменениям, как это произошло в других советских городах. Несмотря на то, что его население увеличивалось в советское время, в эпоху индустриализации здесь не произошло такого стремительного роста, как в некоторых других крупных городах; не было и массовой реконструкции главных улиц и общественных зданий, как это происходило, в частности, в Москве. Но если неизбежный контекст *детского быта* – многоквартирные дома, парки, дворы – оставались на месте, то их использование изменилось коренным образом. Отмена частной собственности и принудительное вселение новых жильцов в бывшие частные квартиры, известное как *уплотнение*, не только существенно сократило жилое пространство, принадлежавшее представителям дореволюционной социальной элиты или, как их называли, *бывшим*, но и поставило их в условия беспрецедентной близости к тем, кто прежде занимал более низкую социальную ступень.

Ни *уплотнение*, ни тип жилища, который оно породило – *коммуналка*, не были исключительно ленинградским феноменом. Действительно, следует учитывать, что *коммуналка* – даже не исключительно советский феномен. Доходные дома и меблированные комнаты существовали во всех больших западных городах на всем протяжении XX столетия, – на самом деле они существуют по сей день. Мы имеем здесь дело с разным соотношением (процент коммунальных квартир по сравнению с отдельным жильем в советских городах был значительно выше), а также, что еще важнее, с различием, которое коренится в культурном уровне тех, кто проживал в коммунальных квартирах. Среди жителей доходных домов и коммунальных квартир на Западе в XX веке редко оказывались люди, обладающие таким авторитетом, чтобы вынести этот вопрос на первый план общественных дискуссий. Трудно найти мемуарные описания длительного периода жизни в таких условиях (в противовес исследованиям сторонних наблюдателей, собирающих полевые материалы, как Джордж Оруэлл в «Отверженных в Париже и Лондоне»), которые могут быть охарактеризованы как «литературное явление», несмотря на то, что сенсационные признания о жизни на самом «дне» все же существуют.

Отличительной чертой ленинградской коммуналки было то, что, в большинстве случаев, она не была специально построена для этих целей, и что в бывших респектабельных районах города, таких как Петроградская сторона и Васильевский остров, могли возникать раздражающие

знаковые противоречия между роскошной первоначальной обстановкой комнаты и делящими ее временными фанерными перегородками. Еще одним противоречием было проживание в такой квартире людей, привыкших изначально к чему-то лучшему, что могло иметь как положительные, так и отрицательные стороны, рождая у коммунальных жильцов решимость НЕ опускаться духовно и материально, и жить скольконибудь цивилизованным образом, не взирая на трудные обстоятельства.

Но если рассматривать воздействие коммунальной жизни на детей, нужно помнить, что они не обязательно ощущали наличие “стесненных обстоятельств”. Более важным фактором для ребенка было скорее то, что за люди жили вокруг них, фактором, который воспринимался детьми через призму реакций взрослых. Информантка, воспитывавшаяся в большой семейной квартире на Каменноостровском проспекте, принадлежавшей прежде ее дяде, а потом перешедшей ее родителям, вспоминала, что в семье возникла чрезвычайно напряженная ситуация с разделением жилого пространства:

Инф. Весь ужас в том, что довольно скоро его обратно перевели в Ленинград, и они тоже въехали, и тогда начались раздел и так далее. И мы оказались в сравнительно маленькой квартире, относительно маленькой, так сказать, хотя по ленинградским масштабам большой квартире, уже в двух залах, и не был этот зал, каминные разрушили, и зал уже разделили на три комнаты.

Соб. А, ясно. Так что уплотнение случилось в этой же самой квартире?

Инф. Да. Потом, так сказать, кончили жить в более маленькой.

Соб. А Вы огорчились при этом?

Инф. Нет. Я – нет, это только мои родители, так сказать, которые никогда не простили эту семью моего дяди, и так далее все это. Но я – нет, никак не огорчилась.³⁶

Обстоятельствами, которые информантка действительно вспоминает как травмирующие, были постоянные ссоры, происходившие после этого между ее родителями и “вторгшимися” родственниками, что проявлялось не только в обычных спорах о том, чья очередь мыть пол, но и в умышленных злодеяниях. В одной из семей, проживавших в квартире, муж нарочно запирался в ванной комнате, когда у родителей информантки были гости, что бывало часто, и таким образом уборная (так же находившаяся в ванной комнате) оказывалась недоступна, что создавало кошмарные условия для остальных.³⁷

³⁶ СКQ Ох-03 РР 5 А, с. 2. (8 марта 2003 года). Женщина 1931 г. р.

³⁷ Ibidem, p. 4.

Интересно, что эта крайняя степень враждебности, если верить устной истории, по-видимому, была более распространена в относительно “привилегированных” квартирах, где проживало небольшое число семей (возможно, одна или две, и таким образом это был тип “семейной коммуналки”), и в тех случаях, когда жильцы принадлежали к “культурной элите”. С другой стороны информанты из рабочих семей, чаще всего, воспринимали коммунальную квартиру как своего рода рай, воплощающий социальную гармонию, а часто и как модель *дружбы народов*. Вот, например, воспоминания ленинградца из рабочего класса (принадлежащего к этническому меньшинству), родившегося в 1933 году:

Инф. Значит, в этой квартире жили три семьи: вот мы, башкиры, затем эстонцы жили, три человека их было, и потом русские, семья русских, сапожников. Их было четыре человека: отец, мать и два сына. Так что квартира была интернациональная. Но по памяти жили дружно, никаких не было недоразумений. Даже вот родители встречали праздники, Новый год, например, на кухне. Кухня большая была. Вот.

Соб. То есть, Вы имеете в виду, что все три семьи вместе встречали праздники?

Инф. Вместе, да, сплошь и рядом. У меня в памяти не осталось, чтоб какая-то ругань была там, что-то еще, какие-то недоразумения.³⁸

С другой стороны следует обратить внимание, что информанты, выросшие в семьях элиты в первой половине двадцатого века, охотнее рассказывают о конфликтах между поколениями, как в ситуации с генеральской дочкой, которая предпочла бы воспитываться в более пролетарских условиях: “Мы были выше, мы были привилегированными, так сказать, а мне хотелось быть вместе с непривилегированными”.³⁹ Причина этого наверно в меньшей степени лежит в “испорченности” людей из элиты (в духе поговорки “с жиру бесятся”) или даже в идеологическом классовом противостоянии того времени и ощущении его неадекватности, которое возникало у детей среднего класса. Более вероятно, что причина заключается в крайней перенаселенности и напряженной атмосферы больших коммуналок и бараков, где селились многие рабочие семьи. В этих условиях конфликты оказывались столь разрушительными, что их стремились избегать любыми способами.

Тем не менее, решающим воздействием коммуналки на детский жизненный опыт, с точки зрения исторического развития, был тот вклад,

³⁸ Oxf / Lev SPb-02 PF 8A, C.2. (10 декабря 2002 года). Мужчина 1933 г. р.

³⁹ CKQ Oх-03 PF 5A, C.5. (8 марта 2003 г.) Женщина 1931 г. р.

который она внесла в сближении семейных отношений.⁴⁰ Как вспоминают петербуржцы, выросшие в среде культурной элиты, общение с родителями могло быть высоко ритуализованным событием, которое происходило только в определенные часы и сопровождалось большим количеством церемоний:

Все, кроме самых маленьких детей, собирались за завтраком, дети занимали оба конца обеденного стола: мальчики группировались вокруг своего гувернера, девочки – вокруг их гувернантки. Их родители сидели один напротив другого в центре стола, гости располагались по рангу по обе стороны от них. Детям нельзя было разговаривать, пока к ним не обращался кто-то из взрослых. В конце трапезы каждый ребенок подходил сначала к своей матери, затем к отцу, поблагодарить их за завтрак. Предполагалось, что дети будут есть то, что им положат, и откусив от куска хлеба, они должны были его доест, потому что хлеб, как нам говорили, производился потом крестьян.

Мы обращались ко всем посетителям по имени отчеству, но должны были относиться к близким друзьям родителей как к дядям и тетям, называя их так, даже если они нам не нравились. Мы говорили по-французски в парадных комнатах наших родителей, где мы обращались к ним на “Вы”. В частных комнатах: то есть, в спальне, будуаре и кабинете мы могли говорить на каком угодно языке, и к ним было можно обращаться на “ты”. [...] а в поисках беспечного веселья и полной свободы, допускавших необузданный хохот и несдерживаемое хихиканье, мы совершали запретные вылазки в помещение прислуги.⁴¹

Не все семьи из обеспеченной элиты имели даже такую степень личных отношений “в будуаре и кабинете”, как это здесь описано: рассказы о жизни семей, занимавших вершину служебной иерархии, наводят на мысль, что такие отношения были достаточно сдержанными даже в лучшие времена.⁴²

И конечно, как только семья начала жить в гораздо меньшем пространстве (и пространстве, которое никаким образом не нельзя было разделить на детское и взрослое), взаимоотношения неизбежно становились более близкими, хотя и не обязательно более теплыми. (Это так же

⁴⁰ Ср. замечания о государственно создаваемой близости в воспоминаниях этого периода Irina Paperno, *Personal Accounts of the Soviet Experience*, “*Kritika*” vol. 3 no. 4 (Winter 2002), pp. 596-597.

⁴¹ Tamara Talbot Rice, *Tamara: Memoirs of St Petersburg, Paris, Oxford and Byzantium*, p. 9.

⁴² См., например, описание Михаила Игнатьева о воспитании его бабушки в *The Russian Album*, London, Penguin, 1987.

случалось в эмигрантских семьях, где, как известно, семья из четырех или пяти человек могла делить единственную комнату, всю битком набитую раскладушками). Этот разрыв между “до и после” мог быть не очевиден для детей, и мог некоторым образом компенсироваться частым отсутствием родителей, что было вызвано большой продолжительностью рабочего дня у государственных чиновников и служащих разных профессий в 1920-х – 1930-х годах. И наоборот, важно учитывать, что в 1910-е годы возникло широкое движение по привлечению родителей к более активному участию в воспитании детей, которое поддерживалось новым направлением, известным позже как “педология”.⁴³ Тем не менее, основополагающее историческое движение к большей близости, стимулировавшееся уплотнением, было очевидным, и родители, которые сами выросли в семьях среднего класса до 1917 года имели совершенно иные отношения с собственными детьми, нежели те, которые в свое время были у них с родителями.

Взаимоотношения с соседями и, в особенности, с детьми соседей так же коренным образом изменились. Как показывает приведенная ранее цитата, о представительнице ленинградской культурной элиты, которая хотела бы жить в общежитии, дети, посещавшие первые советские школы, в которых старательно пропагандировалось социальное равенство, могли иметь совершенно иные отношения со своими сверстниками из рабочего класса, чем те, которые были характерны для детей, выросших до 1917 года. “Снижение уровня” социальных отношений было особенно очевидным во дворе, где стало заметным что-то вроде “пролетаризации” детского досуга. Как писали авторы ранних советских мемуаров, такие как Вадим Шефнер, стиль дворовой игры – особенно среди мальчиков – определялся бойкими, смелыми знатоками уличной жизни, которые иногда оказывались не слишком порядочными личностями. Во дворе описанном у Вадима Шефнера, всеобщее восхищение вызывал тринадцатилетний подросток, носивший кличку Огурчик, брат которого не раз сидел в тюрьме за хулиганство.⁴⁴

Это восхищение бесстрашием, однако, не означало полной отмены или отрицания ценностей, признанных в образованном взрослом мире.

⁴³ Как свидетельствует новый жанр – “дневник матери”, фиксирующий ранние стадии жизни ребенка в возрасте до четырех или пяти лет. Эта ступень развития в педологии соответствует тому, что было известно на Западе как “движение за изучение ребенка” или “paidology”; позже под термином “педология” стали понимать ту отрасль науки, которая была известна на Западе как “детская психология”.

⁴⁴ Шефнер В. Имя для птицы, с. 542-543.

Дети имели ясное представление о разнице между “распущенным” и “преступным” поведением. В своем исследовании детских тайных языков, опубликованном в 1925 году, Георгий Виноградов указал, что заимствования из воровского жаргона в школьный сленг были очень незначительными. В воровской среде слово *курахан* означало “пятирублевая купюра”, в то время как среди детей (отражение экономического состояния!) оно означало “пять копеек”. Воровской лексикон главным образом был связан с идентификацией значимых характеристик потенциальных жертв (например, *скула* – “боковой карман”), в то время как детский относился к реалиям школьной и семейной жизни (как в слове *шамалка*, означающем “хлеб”, “пицца”). Цель такого сленга состояла не столько в том, чтобы не быть понятыми всеми окружающим, сколько в том, чтобы обозначить свою принадлежность к определенной компании или шайке подростков, а главным образом в том, чтобы старшие могли держать младших в неведении на счет своей деятельности.⁴⁵ Как вспоминал Вадим Шефнер, восхищение такими личностями как Огурчик не означало, что дети принадлежали к какому-то противозаконному сообществу.⁴⁶ Скорее, всякая необычная или яркая личность могла играть роль лидера.

Таким образом, дворовая жизнь не обязательно означает ориентацию на низменные ценности. Та деятельность, которая происходила во дворах, была удивительно постоянной, начиная с 1917 года и до самого конца советского периода. И мемуары, и устные рассказы в равной степени подтверждают, что традиционные игры, такие как “штандер”, “лапта”, “стенка” или “расшибалочка” были намного более распространены, чем воровство, распивание спиртных напитков и карточные игры, хотя подобные занятия действительно имели место, главным образом среди старших детей.⁴⁷ Но в понимании взрослых в течение 1920-х – начала 1930-х годов бесконтрольные игры оказывались источником даже большей тревоги, чем это было до 1917 года. *Беспризорность* была не только социальной проблемой огромных масштабов,⁴⁸ но так же и – скорее в

⁴⁵ Виноградов Г. Детские тайные языки. Иркутск 1926, с. 19-20, 23.

⁴⁶ Шефнер В. Имя для птицы, с. 543.

⁴⁷ О традиционных дворовых играх см. в особенности: Осорина М. В. Секретный мир детей (в пространстве мира взрослых). СПб., Питер, 1999, особенно главы 5, 6, 7, 9.

⁴⁸ См.: Куфаев В. И. Юные правонарушители. М., Новая Москва, 1924; Alan Ball, And Now My Soul is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918-1930. Berkeley, University of California Press, 1994; Dorena Caroli, L'assistance sociale à la délinquance juvénile dans la Russie soviétique des années 20, “Cahiers du monde russe” 40/3 (1999).

смысле “пренебрежения родительскими обязанностями”, чем “детской брошенности” – основной символической проблемой. И играющие без присмотра дети, как считалось, являлись проявлением *беспризорности* или *безнадзорности*. Как писал об этом ленинградский журнал “Воробей” в 1925 году:

В каждом доме живут ребята, предоставленные самим себе. И никто не указывает, как использовать свободное время. Они собираются на дворе, а на дворе и мусор, и хлам, и отбросы. Вот на этих-то помойках и проводит свое время дворовая детвора.

Каждое утро собираются. “Что сегодня делать будем?” спрашивают ребята. Ответа нет, да и дать-то его некому. – Вчера песни пели – сегодня больше не хочется, потому что все песни перепели, а новых не знаем. Играть бы во что-нибудь – говорят – да не во что. Сходить бы куда-нибудь – да кроме рынка и идти-то некуда. И так каждый день.

Смотришь – объявился парнишка с другого двора. Ловкий шкет – огонь и воду прошел. Познакомился с ребятами, показывает свои способности, учит в карты дуться, в орлянку. И вот ребята целый день по пыли, по грязи ползают на коленках, штаны протирают, смотрят – “орел или решка”. Вот только денег не хватает. У отца, что ли, слямзить, или пойти на рынок да “купить” у зазевавшейся торговки что-нибудь. Один раз удалось, прошло, другой раз засыпался. Вот вам и новый беспризорный.⁴⁹

Статья, опубликованная в пионерской газете “Ленинские искры” рисовала похожую картину двора, на этот раз указанного более точно – двор дома на улице Рубинштейна. Несмотря на то, что здесь проживало 350 детей, в доме “нет работы с детьми”. Когда журналисты, писавшие эту статью, посетили дом, они обнаружили, что *красный уголок* просто закрыт в течение целого дня. Получив наконец доступ, они увидели, что, несмотря на наличие радио, книг и развлечений, он был унылым и грязным. Педагогом, отвечавшим за проведение детского досуга, была семнадцатилетняя девушка, которая только что закончила школу, и: “Ей самой скучно”. При отсутствии соответствующего руководства, дети безобразничали: “дерутся до синяков”.⁵⁰

Взгляды такого рода, вероятно, имели официальное хождение среди ленинградской администрацией, но их придерживались не только представители нового режима. Е. А. Свиньина, имевшая вполне антисоветскую позицию, писала о занятиях детей во дворе так же неодобрительно, как и детские журналисты этого времени:

⁴⁹ Наш дневник: работа во дворе// Воробей 1925. № 9, с. 26.

⁵⁰ Томихина В. Нет работы с детьми // Ленинские искры. 9 июля 1935. № 60, с. 7.

Сегодня идет большой ремонт у нас во дворе. Обитатели дома с радостью любовались, как дворники метлами разогнали толпу осатанелых мальчишек и девчонок, всю мешавших работать. Родители в большинстве отсутствуют, на работе, а те немногие, находящиеся налицо, счастливы, что хоть кто-нибудь поможет им справиться с этой разнузданной и часто преступной (у многих имеются финские ножи) командой. Что вырастет из этого элемента?! Ни черт, ни Бог, ни совесть не существуют для этой одичалой детворы. Стоит послушать их разговоры во время игр, слова: “ты воровка”, “украд”, “сшамал конфету”, “я убью тебя”, и другие, еще более неприличные слова и брань, за которую прежде штрафовали ломовых тремя рублями.⁵¹

Таким образом, и до, и после революции детские безнадзорные игры вызывали осуждение взрослых жителей Ленинграда; и до, и после революции совершались попытки упорядочить и контролировать эти игры. Основное отличие заключалось в сравнительных уровнях индивидуальной деятельности и вмешательства государства.

До революции усилия по оборудованию игровых площадок были исключительно частными; после революции частная деятельность имела незначительное воздействие на эту область, как и на многие другие. Конечно, некоторая квази-индивидуальная инициатива еще сохранялась. В Ленинграде, как и в других советских городах, действовала общесоветская детская благотворительная организация “Друг детей”, хотя о ее деятельности имеется очень мало опубликованной информации, так как журнал этой организации сосредотачивал свое внимание на ее работе в Москве.⁵² Однако устная история сохраняет информацию о подобных мероприятиях середины 1930-х годов в Ленинграде, например, парк рядом с Каменноостровским проспектом, где была игровая площадка под наблюдением опытного учителя, где дважды в день организовывались игры и групповая деятельность, и имелось в наличии большое количество заманчивых игрушек, с которыми дети могли играть. Все это было бесплатно для участников, поскольку субсидировалось городской администрацией.⁵³

Однако с 1932 года все более и более значимым в плане досуга начало становиться пионерское движение: оно не только поощряло развитие кружков, но и осуждало параллельную детскую групповую деятельность, и организаторы независимых клубов рисковали подвергнуться наказанию

⁵¹ Свиньина Е. А. Письма в Париж (16 сентября 1934 года) // Звезда 1997. № 11, с. 76.

⁵² См.: Друг детей. 1928-1932.

⁵³ СКQ Ох-03 PF 5 А, с. 3.

со стороны властей. “Друг детей” подвергся давлению с целью подчинить его деятельность деятельности пионерского движения,⁵⁴ и, в конце концов, был окончательно закрыт. Конечно, это не значило, что вся организация отдыха была связана с пионерией. Парки культуры и отдыха, например, оставались муниципальной собственностью, но их символика подчеркивала важность пионерского опыта для обеспечения *счастливого детства*.⁵⁵ Иными словами, пионерская организация начала выполнять монополистическую функцию, сопоставимую с Гитлерюгент после 1933 года.⁵⁶ В свою очередь, “бездзорные дети” все больше и больше привлекали внимание органов охраны правопорядка, причем за “детскими инспекторами” начала 1930-х годов, последовала политика “зачисток”, введенная в 1935 году, по отношению к тем беспризорным, чье поведение подходило под статью печально известного закона 7 апреля 1935 года, который ввел несение полной взрослой ответственности по некоторым преступлениям. Другие беспризорные передавались в немногим более нежные объятия детских приемников НКВД, из которых детей отправляли в детские дома или трудовые колонии.

Однако обуздование частной инициативы определялось скорее идеологией, чем прагматикой: как и в других областях институционального обеспечения детей, с точки зрения организации рационального досуга амбиции значительно превосходили достижения. В подавляющем большинстве дворов, если судить по материалам устной истории, контроль над детскими играми ограничивался нерегулярным присмотром со стороны родителей, родственников или частных нянь, а игры, в которые играли дети, мало отличались от тех, в которые играли до 1917 года. Конечно, дети использовали спортивное снаряжение: футбольные или баскетбольные площадки, катки – там, где они имелись. Но они так же играли и в импровизированные игры (например, дикий футбол), катались на коньках на каждом раскатанном участке льда, и развлекались традиционными играми, например, казаки-разбойники и другие разновидности пятнашек или игр “в войну”, имеющие или не имеющие какой-то сценарий, а также игры с мячом, такие как штандер, лапта, пятнашки, маялка, или (что было более популярно среди девочек) игры со скакалкой или

⁵⁴ См. передовую статью в “Друге детей” 1933. № 1, с. 1.

⁵⁵ Как в случае Центрального парка культуры и отдыха в Ленинграде, на Елагинском (бывший Кировском) острове, в котором осталась аллея с рядами статуй пионеров и пионерок вплоть до начала 1990-х годов.

⁵⁶ См. Arno Klönne. Jugend im dritten Reich: die Hitler-Jugend und ihre Gegner. München, DTV, 1990.

классики, не говоря уже о прятках, которые были одинаково популярны у обоих полов.⁵⁷

Заключение

Эта статья была посвящена одному из аспектов детской повседневной жизни (детского быта) – осознанию детьми своего жизненного пространства, как на макроуровне: парки, набережные и памятники, так и на микроуровне: жилище и примыкающие к нему части внешнего мира – дворы и улицы. В обоих случаях, как мы видели, контакт ребенка с этими пространствами не является исключительно спонтанным, а оказывается объектом вмешательства со стороны взрослых. Детей обучают тому, как понимать историю города, и первые экскурсии в мир архитектуры обычно проходят под руководством взрослых (даже если позже они иногда совершаются самостоятельно).⁵⁸ Контакт с внутренним пространством квартиры и с двором в меньшей степени подвержен такому детальному контролю. Однако в обоих случаях сам факт доступа зависит от разрешения взрослых,⁵⁹ и взрослые же отвечают за общий контроль над окружающей обстановкой, которая (в случае дворов) может включать обеспечение условий “рационального досуга”. В Петербурге и Ленинграде, как мы видели, с 1910-х годов делались попытки обеспечить такие условия, хотя они всегда были единичными, и зона их действия

⁵⁷ О баскетболе (в который начали играть, когда появились баскетбольные площадки, в конце 1940-х годов), футболе (в который играли и на площадке и без нее), катании на коньках (без катка), играх в пятнашки, штандер, лапту и маялку см.: Oxf / Lev SPb-02 PF 8A, с. 9. (мужчина, из рабочей среды, 1933 г. р., Ленинград). Подобные/похожие воспоминания начала 1920-х годов см.: Oxf / Lev SPb-02 PF 6B, с. 16 (женщина, из рабочей среды, 1908 г. р.: упоминаемые игры – лапта, прятки и казаки-разбойники); после 1930-х годов см.: Oxf / Lev SPb-03 PF 12A, с. 68 (лапта, прятки и катание с горок, которые начали сооружать в послевоенные годы) (женщина, из рабочей среды, 1916 г. р., Ленинград). О прыганье через веревочку, на скакалке см.: СКQ-0х-03 PF 5B, с. 9 (хотя это относится к даче) (женщина, 1931 г. р., Ленинград, дочь командира Красной армии).

⁵⁸ У меня записан рассказ информантки о самостоятельных прогулках по Москве в конце 1940-х годов: она с компанией других девочек в возрасте десяти или одиннадцати лет, регулярно отправлялись гулять по Бульварному кольцу и однажды забрели так далеко, что должны были возвращаться на трамвае “Аннушка” без денег (СКQ-0х-03 PF 1, с. 7: женщина, 1936 г. р., Москва, дочь служащих Министерства торговли). Несомненно, подобные случаи могли происходить и в Ленинграде.

⁵⁹ Как показывает Осорина в “Секретном мире...”, с. 63, с. 12.

была недостаточной. Использование дворового и уличного пространства, в таком случае, могло быть причиной конфликтов с взрослыми, как и инструментом социализации: то, чему дети учились здесь, существенно отличалось от того, чему они учились в семье и в школе. Именно к этому случаю применим (если он вообще применим) термин “детская субкультура”, иногда используемый слишком свободно, как будто он подразумевает наличие альтернативной культуры, к которой все дети имеют отношение просто потому, что они являются детьми. Не все петербургские и ленинградские дети имели доступ к уличной и дворовой жизни, – до революции многие дети среднего и высшего класса контактировали с внешним миром главным образом в садах, парках, или на дачах или усадьбах, и даже после революции некоторым детям из семей элиты, особенно девочкам, не разрешалось выходить во двор.⁶⁰ Но там, где дети все-таки выходили во двор, они контактировали с миром, который имел свои правила, и, между прочим, так же приобретали опыт, характерный именно для Петербурга и Ленинграда, поскольку в других русских городах в этот период дворы не были до такой степени урбанизированы.

(Авторизированный перевод А. М. Пишр)

⁶⁰ См., например, СКQ-Ох-03 PF 5B, с. 9 (женщина, 1931 г. р., Ленинград, дочь командира Красной Армии); СКQ-Ох-03 PF 12A, с. 3 (женщина, 1958 г.р., Ленинград, дочь архитектора).